

4. *Козлик И. В.* Психологизм лирики Ф. И. Тютчева // Русская литература. 1992. № 1. С. 18–29.
5. *Парнок С.* Собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и прим. С. В. Поляковой. СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. 540 с.

Д. Д. Зиятдинова
 Научный руководитель: Т. Н. Бреева,
 доктор филологических наук, доцент (КФУ)

ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В РАННЕЙ ИЗРАИЛЬСКОЙ ПРОЗЕ Д. РУБИНОЙ

Еврейский национальный характер, как и собственно еврейский мир, в российской гуманитаристике представляется малоизученным. Обращения к данной проблеме, как правило, имели спорадический и идеологический [4, с. 37] характер, что во многом обуславливалось длительной табуированностью данной темы [16, с. 8] в отечественном научном дискурсе.

Рецепция еврейского характера долгое время сводилась преимущественно к актуализации устойчивой системы стереотипов, т. е. имела неотрефлексированный и неэмпирический характер. Как отмечает Л. Гудков, «установки в отношении евреев усваиваются до личного общения с ними, поскольку обусловлены давними традициями и мало изменяющимися предрассудками о евреях. Структура негативного стереотипа сохраняется в принципе без особых изменений в различных социальных группах, регионах проживания, у людей разного возраста или образования – меняется лишь удельный вес отдельных элементов и соответствующих представлений» [4, с. 37]. Как следствие, имевший во многом «виртуальный» характер образ еврея на ранних этапах традиционно репрезентировался через систему гетеростереотипов, имевших преимущественно негативную окраску, мотивированную актуализацией модели Чужого и образа Врага (коварство, лживость, скупость, жестокость и т. д.), и не предполагал культурной рефлексии собственно еврейского национального характера [17]. Даже лишенный открытой демонизации, он строился, как правило, через актуализацию негативных стереотипов, примером чего может служить образ Шейлока в «Венецианском купце» У. Шекспира.

Переломным для рецепции и художественной репрезентации образа еврея становится XIX в. Так, об этом на примере динамики рецепции образа Шейлока пишет Л. Фейхтвангер: «Нет уже на театральных подмостках смехотворного, карикатурно жестикулирующего, примитивно злобно-мелкого торгаша-жида, каждым своим движением вызывающего смех: Шейлок стал героем, мучеником, его же противники – ничтожествами и глупцами» [14].

Наряду с изменением рецепции образа Шейлока и, соответственно,

его сценической интерпретации, происходит также изменение еврейских репрезентативных образов, связанное с тем, что на смену демонизации (обусловленному обращением к модели Чужого) приходит «реабилитация», вызванная актуализацией семантики жертвенности (предполагающая активизацию модели Чужого Другого), трансформируется система доминантных еврейских национальных репрезентативных образов (до XIX в. – ростовщик, конец XIX в. – еврейский музыкант, XX в. – еврейский ученый).

В русском обществе изменение отношения к еврейскому миру¹ было связано, в первую очередь, с периодом правления Александра III. Реакцией на антисемитскую политику правительства, реализуемую в рамках государственной идеологии и ведущую к ограничению прав евреев (ужесточение требований к проживанию в черте оседлости, ограничение возможности получить высшее образование и т. д.), становится интеллигентский дискурс, берущий на себя «защиту» угнетаемого еврейства. В результате все чаще актуализируется образ еврея – жертвы жестокой исторической действительности, наиболее широко представленный в литературе начала XX в. (В. Г. Короленко «Дом № 13» (1903), М. Горький «Погром» (напечатано в 1901 г.), Н. Г. Гарин-Михайловский «Еврейский погром» (1901), «Старый еврей» (1908), А. И. Куприн «Гамбринус» (1907) и др.). В целом XX в. предполагает наиболее сложную и вариативную персонификацию еврейских образов в литературном дискурсе, что связано также с активным участием писателей с еврейскими корнями в литературном процессе данного времени (Б. Пастернак, И. Бабель, О. Мандельштам и др.).

На современном этапе «еврейская» тема в русской литературе представлена достаточно локально (возможно, это связано с тем, что она не является актуальной и «востребованной»²) и преимущественно в творче-

¹ Репрезентация образа еврея в русской литературе первой половины XIX в. опиралась преимущественно на антисемитскую традицию (одним из наиболее ярких образцов данного варианта служит роман Ф. Булгарина «Иван Выжигин» (1829), пользовавшийся в свое время исключительной популярностью у читателей и актуализировавший целый ряд антисемитских стереотипов). Подобный ракурс восприятия долгое время сохранял свою актуальность. Так, его критике был посвящен очерк Н.С. Лескова «Еврей в России (Несколько замечаний по еврейскому вопросу)» (1884). Одновременно с этим существовал и иной вариант художественной репрезентации образа еврея, предполагавший его нейтрально-позитивную рецепцию – одним из его наиболее ярких примеров может служить образ благородного еврея Яньки в романе В. Нарезного «Русский Жилблаз» (1814).

Необходимо также отметить разницу в рецепции еврейского национального характера в научном (имеет, как правило, нейтральный характер) и литературном дискурсах (предполагает преимущественно негативную оценку).

² Активизация ее, как правило, мотивируется возникновением «потребности» в образе Чужого, способствующего консолидации нации. Евреи же в данном отноше-

стве этнических евреев (В. Шарова, Л. Улицкой и др.). Активизация взгляда Своего обуславливает, в свою очередь, «стереоскопичность» еврейского национального характера. Так, возникает дихотомия еврейского (галутного) и израильского характеров, обуславливающая, в свою очередь, усложнение и расширение системы национальных стереотипов³, как это происходит в творчестве русскоязычной израильской писательницы Д. Рубиной.

Художественная репрезентация национального характера в ранней построссийской прозе Д. Рубиной связана с актуализацией системы автостереотипов – жестокость, бесцеремонность, патриотизм (по данным опроса на тему «типичный израильтянин», проведенным институтом «Дахав» и газетой «Едиот ахронот» [см.: 2; БенЗ]), отзывчивость⁴, смелость⁵, трудолюбие⁶) и гетеростереотипов (скупость, хитрость, гениаль-

нии вполне «референтны». Как отмечает Р. Э. Бараш, опираясь на идеи А. Литвина, «исторически в России в качестве “другого” воспринимались евреи, немцы и поляки. По словам А. Литвина, “подобно другим этническим меньшинствам, немцы часто становились коллективным объектом проекции различных фобий и культурных смыслов для ‘этнического большинства’” <...>. В качестве мишени для подобных проекций немец уступал только еврею, который как символ выступал в качестве универсального воплощения всего нерусского, неправославного, чуждого, коварно мимикрирующего под “своего” внутреннего врага, тогда как немец стал универсальным внешним врагом”» [1, с. 93].

³ Так, если в отношении галутных евреев актуализировались такие негативные черты, как хитрость, призванная компенсировать слабость, жадность, глупость и др., то в отношении израильских евреев происходит их «переворачивание» [13] (вместо смирения и покорности – чувство собственного достоинства, готовность дать отпор, вместо трусости – отвага, вместо стыда – гордость и т. п.), благодаря которому возникает столкновение сохраняющихся гетеростереотипов и создающихся автостереотипов.

Гетерогенность израильского общества, вызванная его диаспорным составом, обеспечивающим его мультикультурность, ведет также к активному использованию общинного юмора, апеллирующего к стереотипам отдельных еврейских общин – русской, марокканской, немецкой и т. д.

⁴ Данные маркеры еврейского национального характера, прежде всего, тесно связаны с иудейским дискурсом: «Если в характере еврея нет трех черт – совестливости, сострадания к слабому, стремления делать добро, возникает подозрение – еврей ли он?...» (Талмуд), «Три признака отличают настоящих евреев: они стеснительны, милосердны и любят делать добрые дела» (Кицур Шульхан арух (ряд галахических кодексов): 145:6) [15].

⁵ Об этом пишет А. Б. Зеев: «Израильтяне знают, что им на протяжении всей их истории приходилось бороться за выживание, и именно это знание лежит в основе их национального характера. Столетиями они учились импровизировать в любой ситуации и принимать действительность такой, какова она есть. Это объясняет такую их черту, как “хуцпа” – дерзкая отвага» [5]. В антисемитском дискурсе последнее интерпретируется как «сверхнаглость».

ность). Одновременное обращение к точкам зрения Своего и Другого мотивировано, в первую очередь, впечатлениями первичного эмигрантского сознания, связанного с актуализацией взгляда Своего Другого и процессом культурной реидентификации. Вместе с тем необходимо отметить, что взгляд Своего Другого уже на раннем этапе тяготеет к полюсу Своего, свидетельством чего становится своеобразие репрезентации гетеростереотипов: они могут транслироваться, если имеют позитивную окраску, или деконструироваться, если имеют негативный характер.

Деконструкция негативных гетеростереотипов в раннем израильском творчестве Д. Рубиной осуществляется прежде всего путем их редукции. В целом для писательницы нехарактерно обращение к негативным еврейским гетеростереотипам: актуализация их носит единичный характер и связана, в первую очередь, с ранними израильскими произведениями. Наиболее показательными в данном отношении выступают гетеростереотипы скупости и хитрости, через которые реализуются образы хозяина газеты «Полдень» Залмана Штыкерголда в романе «Вот идет Мессия!» и неуловимого афериста Иегошуа Аписа в повести «Во вратах твоих».

В более позднем творчестве деконструкция негативного гетеростереотипа обуславливается включенностью реализующего его образа в национальный дискурс, как это происходит с образом Ноя Рувимовича Клещатика в романе «Синдикат». Эволюция данного персонажа связана с постепенным обнаружением в нем положительных черт, связанных с движением героя от образа «ростовщика» – значимой в данном отношении становится «энтномоническая» метафора: так, фамилия Ноя Рувимовича «Клещатик» (клещ) и, кроме того, созданная им финансовая сеть (показательно название его фирмы «Глобал-цивилизейшн») вызывают ассоциации с паутиной и, как следствие, уподобляет героя пауку, традиционному символу ростовщичества – к образу пастыря, современного Моисея, выводящего народ свой из «египетского плена» (данная ипостась героя зашифрована в его имени), и, несмотря на преимущественно ироническое отношение героини к проекту Ноя Рувимовича, отношение ее к самому автору данного проекта оказывается не столь однозначным.

Трансляция позитивного гетеростереотипа в прозе Д. Рубиной сопрягается с его одновременной реструктуризацией, как это происходит с гетеростереотипом еврейской гениальности. Образы еврейских гениев Рона Каца, Левы Бронштейна («Вот идет Мессия!»), Гриши Христианского

⁶ Данный стереотип в прозе писательницы представлен достаточно локально и связывается, прежде всего, с образом израильской земли. Изначально представляющая собой бесплодную пустыню, она благодаря усилиям израильтян превращается в «рай» (кибуц Эйн-Геди в «Синдроме Петрушки»), оживая после многовекового сна, вызванного пребыванием под властью чужаков: «...пустыню здесь заставляют плодоносить, как цветущую женщину» [6, с. 65].

(«Во вратах твоих»), Янки и Надьки Сокол («Синдикат»), реализуемые через этот гетеростереотип, включаясь в иронический (отражением чего становятся «оригинальные» теории Рона, заумь Бронштейна, бездарный роман «Топчан» Гриши Христианского) или комический (гениальность «соколий» реализуется в несколько «криминальном» ключе – они профессиональные наемные игроки в бридж и преферанс [12, с. 484]) контекст, утрачивают присущую для стереотипного образа семантическую лаконичность, «вырастая» в характер, а не оставаясь на уровне стереотипа.

Кроме того, реструктуризация может выступать результатом культурного конструирования, когда возникает интеграция образов еврейского гения и еврейского отца⁷, как это происходит в отношении Левы Бронштейна. Актуализация образа еврейского отца в творчестве Д. Рубиной не связана с существенным изменением⁸ сложившегося «канонического» образа⁹ и скорее предполагает его трансляцию: «...по моим наблюдениям, отцы более нежны к детям, чем матери, и больше времени посвящают чадам. И более щедры на проявления чувств – не стесняются прилюдно сюсюкать, обнимать, тискать своего ребенка» («Дети») [8, с. 265]. Наиболее показательными в данном отношении являются образы Левы Бронштейна («Вот идет Мессия!») [6, с. 132] и Яши Сокола («Синдикат») [12, с. 449].

Обращаясь к автостереотипам, Д. Рубина транслирует положительные и реабилитирует «потенциально» негативные автостереотипы. Так, преодоление еврейской жестокости происходит через обращение к образу «дома Израиля» («Противостояние») [10, с. 278]. Необходимо также отметить, что, являясь одним из наиболее значимых автостереотипов национального характера как в ранней, так и в поздней израильской прозе Д. Рубиной, еврейская жестокость получает различную реализацию в раннем и позднем творчестве писательницы: если на раннем этапе активизация данного автостереотипа сводится преимущественно к уровню межличностных отношений и реализуется через сложную политическую

⁷ Как правило, гетеростереотип еврейской гениальности реализовывался вне «семейного» контекста и предполагал прежде всего трагический «фон», обусловленный активизацией семантики жертвенности.

⁸ Вместе с тем необходимо отметить, что ранее репрезентация образа еврейского отца предполагала, как правило, проекцию его чадолюбивости на дочь, что могло оцениваться негативно («Лотов комплекс», рассмотренный Г. Гачевым как потенциально возможное сексуальное влечение отцов к дочерям в еврейском мире). В прозе Д. Рубиной объектом отцовской любви могут выступать как сыновья, так и дочери. «Лотов комплекс» же позднее подвергается открытой деконструкции, проецируясь на образ Другого (отношение Тадеуша Вильковского к своей дочери Лизе в романе «Синдром Петрушки»).

⁹ Наиболее ярко он реализуется в «Венецианском купце» У. Шекспира, «Айвенго» В. Скотта, «Тевье-молочнике» Шолом-Алейхема.

(конфликт правых и левых) и полиэтническую ситуацию, сложившуюся в Израиле к концу XX в. и приведшую, во-первых, к двойственному отношению коренных израильтян к непрекращающемуся потоку репатриантов, во-вторых, к противостоянию различных субэтнотосов, то позднее его актуализация происходит на более сложном, ментальном уровне, раскрываясь как противостояние Бога и человека.

Автостереотип бесцеремонности, фамильярности реабилитируется «домашностью» как главной приметой израильского существования, определяющей не только характер взаимоотношений израильтян, когда разговор посторонних неотличим от разговора близких родственников или друзей («Иерусалимский автобус»), но и внешний облик персонажей (Гриша Сапожников / «Во вратах твоих», Витя / «Вот идет Мессия!»): «Израильтяне не очень обращают внимание на внешний вид. Один из депутатов, рассказывает Мира, был в смокинге и сандалиях на босу ногу» [9, с. 469].

Восприятием Израиля как Дома, который необходимо защищать от враждебного «внешнего» мира, мотивируется автостереотип израильского патриотизма. Так, своеобразным обрядом инициации предстает вручение репатриантам таких символических подарков, как талес и израильский флаг («Во вратах твоих», «Итак, продолжаем!»). Значимой для писательницы становится рецепция израильского патриотизма через призму домашности, благодаря чему официально-абстрактное понятие утрачивает всякую официозность, органично включаясь в дискурс повседневности страны, где «все солдаты – мамы, папы, бабушки и дедушки, братья, сестры» [11, с. 330], а сборы в армию становятся общей, семейно-государственной, заботой, ложась в равной степени на родителей и государство: «Армия потом возвращает расходы, но ботинки ребенку надо выбирать отдельно, подбирать тщательно, по ноге. <...> Мамин глаз надежней» [11, с. 330].

Сама церемония присяги в рассказе «Ружье для Евы» начинает восприниматься как «семейное», «домашнее» мероприятие: «Воинская присяга в Армии Оборона Израиля – дело серьезное, торжественное и даже волнующее. Но... все-таки, и эта церемония, как почти все церемонии в стране, напоминает выезд на пикник большого шумного семейства» [11, с. 333]. Свидетельством этого становятся как своеобразие зрительской аудитории – «На присягу любимого отпрыска едут: родители, братья-сестры, бабушки-дедушки с домашними животными, а также соседи-друзья, с рукописными плакатами – как болельщики на спортивные состязания» [11, с. 333], – так и нарушение его «формального» хода благодаря необычному полноправному участнику: «солдатскому» псу [11, с. 334–335].

Персонификацией автостереотипа смелости становятся, в первую

очередь, внесюжетные персонажи: Илан («Иерусалимцы»), разведчик из охраны поселка Неве-Эфраим, переодетый в молодую арабку; лейтенант отряда «Вишня» («Вот идет Мессия!»); Авигдор Кахалани («Чтобы и на следующий год...») и др. Одной из форм реализации данного автостереотипа выступает также актуализация образа бригады «Голани», одной из наиболее элитных частей израильской армии («Вот идет Мессия!», «Противостояние», «Ружье для Евы»).

Реализация стереотипа отзывчивости обуславливается в ранней израильской прозе Д. Рубиной преимущественно в связи с эмигрантской составляющей, находя наиболее последовательное воплощение в характере взаимоотношений обитателей поселка Неве-Эфраим в романе «Вот идет Мессия!». Специфика реализации данного стереотипа и близкого к нему автостереотипа милосердия связываются с тем, что оба мотивированы конфессиональным компонентом, становясь результатом не случайного душевного порыва, а осознанного поступка, добровольного служения [6, с. 82; 7, с. 397]. Их конфессиональная ангажированность не ведет при этом к «выхолащиванию», ханжеству. Показательной в данном отношении становится история Марии, получившей второй шанс благодаря помощи хабдников («В прямом эфире»).

Таким образом, своеобразие форм художественной репрезентации еврейского национального характера в раннем построссийском творчестве Д. Рубиной обуславливается прежде всего ситуацией эмигрантского пограничья, перехода от точки зрения Другого к точке зрения Своего, ведущей к одновременной актуализации авто- и гетеростереотипов, с последующей трансляцией позитивных и реабилитацией/деконструкцией негативных авто-/гетеростереотипов.

Список литературы

1. *Бараиш Р. Э.* Фигура «другого» как значимая составляющая российской/русской идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 90–99.
2. *Бендерский Я. М.* Израильтяне: анфас и профиль [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://world.lib.ru/b/benderskij_j_m/aa1.shtml (дата обращения: 15.12.2013).
3. *Бовин А.* 5 лет среди евреев и мидовцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jewish-books.ru/bovin/5_let_sredi_evreev_i_midovtsev/55-2.htm (дата обращения: 15.12.2013).
4. *Гудков Л.* Параметры антисемитизма. Отношение к евреям в России, 1990–1997 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 2 (34). С. 34–44.
5. *Зеев А. Б.* Эти странные израильтяне [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.flibusta.net/b/340051/read> (дата обращения: 15.12.2013).
6. *Рубина Д.* Вот идет Мессия! // Полное собрание романов в одном томе. М., 2012. С. 7–268.
7. *Рубина Д.* Вывеска // Полное собрание рассказов в одном томе. М., 2011. С. 394–

- 398.
8. Рубина Д. Дети // Там же. С. 262–269.
 9. Рубина Д. Иерусалимцы. Четки // Там же. С. 457–482.
 10. Рубина Д. Противостояние // Там же. С. 275–281.
 11. Рубина Д. Ружье для Евы // Там же. С. 329–337.
 12. Рубина Д. Синдикат // Полное собрание романов в одном томе. М., 2012. С. 407–792.
 13. Рубинштейн А. Конец мифа о сабре // Время искать. Журнал общественно-политической мысли, истории и культуры. № 1. 1998. С. 95–115 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www-r.openu.ac.il/tutor-school/lesson%209%20-%20Rubinstein%20-%20Sabra%20Myth.doc> (дата обращения: 15.12.2013).
 14. Фейхтвангер Л. Шейлок на наших сценах. Драматургическое исследование [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/100/sheylok.htm> (дата обращения: 15.12.2013).
 15. Фридзон Й. Врожденные или приобретенные? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://shaareinashim.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=747%3A2013-10-17-07-20-50&catid=1%3A2012-03-01-13-42-47&Itemid=44 (дата обращения: 15.12.2013).
 16. Членов М. А. Что такое еврейство? Взгляд социального антрополога // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 8–20.
 17. Эдельштейн М. Как жидовка превратилась в женщину. История одного стереотипа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://booknik.ru/context/all/kak-ijidovkai-prevratilas-v-ijenshchinui/> (дата обращения: 15.12.2013).

Е. А. Кивилиди

Научный руководитель: Ф. Б. Бешукова,
доктор филологических наук, профессор (АГУ)

ЭССЕ КАК ЖАНР ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОГО, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ АДЫГЕЯ»)

Эссе – «разновидность очерка, в котором главную роль играет не воспроизведение факта, а изображение впечатлений, раздумий и ассоциаций... Автор эссе не претендует на анализ произведения, а ограничивается рассуждениями о нем, подчеркивая субъективность своего отношения» [7]. Эссе отличается от прочих публицистических жанров обилием художественных средств выразительности, необходимых для передачи авторских эмоций и мыслей, и небольшой объем. Этот жанр литературной критики чаще используется в процессе интерпретации художественной и научно-популярной литературы, потому что имеет свободную композицию и выражает авторские мысли по поводу актуальных тем или наиболее острых вопросов. Как правило, эссе подает новую, субъективную мысль и носит философский, историко-биографический, публицистический, литератур-